

категория, а не окаменевший остаток старины: „Он жжет и палит пламенем огненным“, К. Д. 92; „полно вам биться и ратися“, Рыбн. II, 93; „учула да услышала“, „поешьте да покушайте“ и т. д.

Стилистическая функция синонимических пар, соединенных союзами „и“, „да“, отличается значительно большим акцентом на усилении, подъеме значения, тогда как в первой группе акцент на уточнении, ограничении значения (что также является усилением значения) „знаю-ведаю“ — „знаю и ведаю“ „жжет-палит“ — „жжет и палит“, „тоска-кручина“ — „тоска и кручина“, „сильные-могучие“ — „сильные и могучие“ и т. п.

Мы в праве утверждать, что основой сочетания синонимов при помощи союзов, как и в первом случае (при бессоюзном соединении), является совпадение, а не расхождение значения, потому что союзы очень часто соединяют слова — дублиеты, и почти все бессоюзные синонимические пары выступают и в виде пар, соединенных союзами. Но так как в устной поэзии союзы „и“, „да“ выполняют также функции соединения и присоединения, то не всегда можно с полной уверенностью определить, какой случай мы имеем. Если никакого сомнения не вызывают сочетания „ходил и гулял“, „орать и пахать“, „жить и быть“, „повыдти и повыступить“, „тоска и кручина“, „со стыду и сорому“, то несколько труднее решить, что представляют собой сочетания: „притки и скорби“, „драка и бой“¹ и т. д. Но в большей части подобных сочетаний основой является совпадение значения, об этом говорит контекст и вся система художественных средств устной поэзии.

Нам очень трудно отвлекаться от привычных семантико-синтаксических норм, поэтому все, что внешне под них не подходит, часто зачисляется в категорию архаизмов языка, несмотря на то, что явление продолжает быть весьма продуктивным и живым. Надо отвергнуть объяснение А. А. Потебни, что наличие союза „и“, а также других „эксплетивных“ частиц и слов в синонимических, атрибутивных и иных сочетаниях является „явственным выражением медленности, с которой в говорящем один акт мысли следует за другим“,² в отношении к устной поэзии в имеющихся записях XVII—XX вв., так как подобное психологическое объяснение стилистического средства, как явления языка, отражающего процесс мышления сказителя, совершенно снимает вопрос об устной поэзии, как искусстве. С этой точки зрения произведения фольклора — результат бессознательного творчества, и представляют собой точное отражение процесса мысли сказителя, причем процесс этот искажен или чрезвычайно архаизирован.

С особенной силой синонимия как художественный принцип выступает в двух случаях: 1) когда нет в языке слова-синонима, которое может полностью совпадать по значению (или слова-дублиета), и в этом случае

¹ См. приведенные выше примеры.

² Ук. соч., стр. 281.